

СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА ДИАЛОГА КАК АНТИКРИЗИСНОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ

KÜLTÜRÜN GELİŞMESİNDE KRİZE KARŞI BİR MODEL OLARAK KULLANILAN DİYALOGUN ANLAMI VE SPESİFİĞİ

NATURE AND SPECIFICITY OF DIALOGUE AS AN ANTI-CRISIS MODEL OF DEVELOPMENT OF CULTURE

PhD. Elena I. BALAKINA*

АННОТАЦИЯ

Диалог представлен в статье в целостном системном рассмотрении как особая форма бытия, способствующая личностному росту его участников и обнаружившая в себе неожиданные свойства эффективного антикризисного и антиэнтропийного механизма. Автором статьи сформулировано системное определение диалога.

Ключевые слова: Диалог, монолог, «общение», «коммуникация», приращение смысла, сущность диалога, определение диалога, синтез и диалог, символика дуальности и троичности, холистическая научная парадигма, диалогичность в культуре.

ÖZET

Makalede diyalog, hayatın bir özel şekli, diyalogda yer alan bireyin gelişmesine etken olan unsur, krize ve entropiye karşı kullanılan bir bütün sistem olarak tanımlanmıştır. Yazar tarafından diyalog sistemli olarak kısa ve açıkça belirtilmiştir.

Anahtar Kelimeler: Diyalog, monolog, irtibat, diyalogun anlamı, sentez ve diyalog, diyalog kültürü, özellikler, komunikasyon.

ABSTRACT

Dialogue is presented in the article in the holistic systemic consideration as a special form of being, that promotes personal growth of its members and discovered in itself unexpected properties of effective anti-crisis and anti-entropic mechanism. Author of this article formulated the systemic definition of dialogue

Keywords: Dialogue, monologue, "communication", the increment of meaning, the essence of dialogue, the definition of dialogue, synthesis and dialogue, the symbolism of duality and trinity, holistic scientific paradigm, dialogical character in culture.

* Балакина, Елена Ивановна, кандидат культурологии, доцент кафедры философии и культурологии Алтайской государственной педагогической академии, Барнаул, Россия;

Balakina, Elena I., PhD Cultural Studies, Associate Professor of Philosophy and Cultural Studies in the Altai State Pedagogical Academy, Barnaul, Russian Federation.

Решение проблем диалога – это решение проблем человеческого бытия.

Генрих Буш

Научные дискуссии о диалоге сопряжены с постоянными внутренними противоречиями. С одной стороны, предельная распространённость диалога, широта его бытия свидетельствует о его актуальности. О диалоге написаны целые библиотеки! Научную и жизненную притягательность его испытали на себе учёные всех времён и народов – от ведущих философских авторитетов до современных начинающих молодых исследователей. Кажется, что здесь и открывать, и доказывать нечего.

С другой стороны, каждый из авторов раскрывает в диалоге именно ту грань проблемы, которая актуальна для его времени или его сферы научных интересов, прямо или косвенно оговаривая: «под диалогом мы понимаем...». В словарных изданиях, самым жанром ориентированных на максимальную обобщённость и чёткость формулировок, диалог представлен формально – как разговор двух лиц. При этом без внимания остаётся сущность этого разговора, его смысловое наполнение и характер отношений – то, что выражает качественное различие разных форм взаимодействия, и диалога – в том числе. Сложившуюся с диалогом ситуацию в рамках одного из Круглых столов характеризует А.А. Брудный: «Слова «диалог» и «диалогизм» становятся сейчас всё более и более не работающими понятиями, а некой обобщённой «отмычкой». Психологические, феноменологические, социологические исследования семьи, коммунальных споров, дипломатических дискуссий, всё, что угодно, накрывается шапкой «диалог», и всё это выдаётся за философию диалога» (Диалог, 1989: 4).

Терминологическая неопределённость – важная проблема, приводящая к научным противоречиям и неточностям. М.С. Каган видит сходную ситуацию в развитии понятия «общение»: «С тех пор, как в русский язык проникло иноземное слово «коммуникация» (от латинского *communicatio* – связь), термин этот стал употребляться как синоним «общения»... и предпочтительно используется в научном лексиконе» (Каган, 1988: 3).

Так, А. Брудный считает диалог разновидностью коммуникации. В семиотической теории культуры Ю.М. Лотмана одни и те же явления именуется как общение, коммуникация, диалог. Они становятся взаимозаменяемыми и оцениваются с речевых позиций. Особый интерес для Ю.М. Лотмана представляет дискретность и очерёдность реплик участников диалога.

Объединяющим мотивом в концепции Ю.М. Лотмана и М. Бахтина оказывается **понимание**: «Рассматривая реально данные в человеческой культуре виды коммуникаций и текстов, мы можем выделить две группы ситуаций: а) когда целью коммуникативного акта является передача константной информации. В этих случаях ценность ситуации определяется степенью точности передачи информации. Здесь вся система ориентирована на максимальное понимание, всякое несовпадение между кодом говорящего и слушающего – источник непонимания – будет рассматриваться как помеха. Текст в этом случае – некий пассивный носитель вложенного в него смысла, а функция коммуникации – донести этот смысл без потерь; б) когда целью коммуникационного акта является **выработка новой информации**. Здесь ценность

системы определяется нетривиальным сдвигом значения в процессе движения текста от передающего к воспринимающему. Нетривиальный – такой сдвиг значения, который однозначно не предсказуем и не задан определённым алгоритмом трансформации текста» (Лотман, 1993: 25-26).

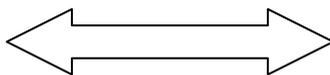
Вопросно-ответное строение взаимодействия часто считают необходимым и достаточным условием диалога. Но вопросы и ответы могут иметь различную цель и направленность. Так, вопросы информационного характера программируют однозначный ответ, который почти не изменяет ни спрашивающего, ни отвечающего. Изначально же, в работах М. Бубера, М. Бахтина и М.С. Кагана главной типологической особенностью диалога определяется установление равноправного взаимодействия партнёров, в ходе которого происходит их *изменение* и рождение нового смысла. Любой участник диалога после каждого высказывания меняет собственное состояние.

Для выявления существенных характеристик диалога необходимо его философское, *категориальное* рассмотрение. Несмотря на некоторую односторонность специальных исследований диалогических отношений, их значение велико. Они подготовили почву для изучения *диалога* на рубеже 60-70 годов. К этому времени получил распространение системный подход, позволяющий изучать сложные явления в их *целостности*.

В категориальном аспекте *диалог* рассматривается М.С. Каганом как *тип межсубъектного взаимодействия* через понятия «общение» и «коммуникация», различие которых в языкознании и философии обозначается понятиями «диалог» и «монолог». М.С. Каган выделяет два принципа диалогических отношений, существенно отличающихся от других:

1. «*Общение* есть *межсубъектное* взаимодействие. Оно отличается по самой своей сути от *коммуникации* как передачи некоей информации субъектом какому-то лицу или механизму, которые должны принять содержание данного послания, возможно более точно извлекая его из текста, в котором оно закодировано...» (Каган, 1988: 85).

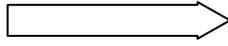
Общение – это процесс *обретения общности* его участниками, а не обмен сообщениями, сохраняющий их обособленность. В нём кардинально отличается и направленность процесса взаимодействия партнёров. Общение предполагает функциональное равенство участвующих в нём лиц, что обеспечивает *симметричность, двунаправленность* его структуры.

S1 средства общения S2

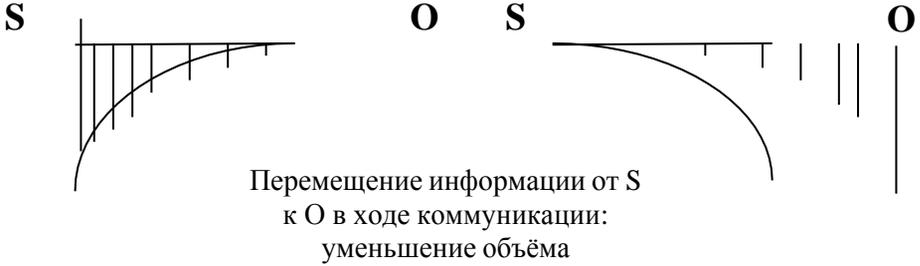
Схема 2.

Коммуникация же *асимметрична*. В ней принципиально различны роли отправителя сообщения и его получателя. Получатель – это объект, пассивное начало, на которое направлена активность субъекта-отправителя. Информация перемещается только в одну сторону – от субъекта к объекту и иссякает по мере её усвоения:

S сообщение O

начало коммуникации завершение коммуникации

В межсубъектном взаимодействии информация равномерно циркулирует между участниками, не только не уменьшаясь, но и постоянно расширяясь.

Обнаруженные в диалоге специфические качества позволили нам сформулировать системное определение диалога.

Диалог – это уникальный тип добровольных равноправных межсубъектных отношений, при котором взаимодействующие партнёры порождают новую информацию в процессе общения и постоянно качественно изменяются, сохраняя свою суверенность и индивидуальность.

Это принципиально иное явление, чем обмен монологами. Любой участник диалога после каждого высказывания изменяет собственное состояние за счёт информационного прироста в процессе бесконечного смыслопорождения: «В диалоге каждое сообщение (послание) рассчитано на его интерпретацию собеседником и возвращение в таком преломлённом, обогащённом, интерпретированном виде для дальнейшей аналогичной обработки другим партнёром и т.д.» (Каган, 1988: 148).

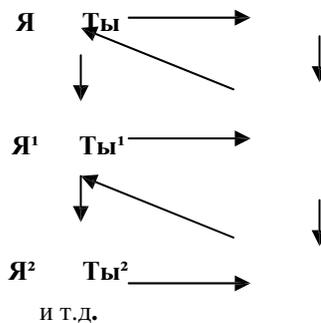

Схема 4

«Я» высказывает сообщение «Ты». Приняв и осмыслив полученную идею, «Ты» изменяется и становится уже несколько иным субъектом, чем был до получения сообщения. Условно обозначим его «Ты¹». Этот изменившийся субъект отправляет

«Я» сообщение-ответ, тоже предназначенный для диалогического осмысления. В процессе вызревания ответа на послание от «Ты¹», происходят внутренние изменения и в состоянии «Я», которое теперь можно условно обозначить как «Я¹». Изменившийся субъект «Я¹» отправляет в свою очередь сообщение-ответ для «Ты¹». Тот, получив его и осмыслив, снова преобразуется, оставаясь самим собой, но всё же приобретая новые, прежде несвойственные ему качества, рождённые именно в процессе диалогического общения с «Я¹» – его следует обозначить как «Ты²». И далее этот процесс может длиться бесконечно, пока сами партнёры общения не решат остановить диалог или не вмешаются нарушившие его внешние обстоятельства.

В результате состояние каждого партнёра частично передаётся другому, превращается в их общее достояние, не нарушая при этом качеств субъектности и уникальности каждого участника диалога.

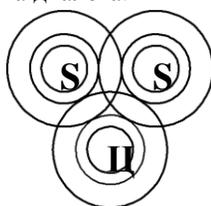

Схема 5

В данной схеме помимо двух субъектов, участвующих в диалоге, буквой **Ц** обозначена цель общения. Система расширяющихся кругов выражает идею бесконечного изменения участников диалога и его цели, идеи, которая непрерывно обогащается новыми смыслами в ходе их диалогического взаимодействия.

2. Другой аспект различия общения и коммуникации проявляется на структурно-функциональном уровне. Коммуникация одномерна. Это чисто информационный процесс – передача знаний, распоряжений и т.д. Общение же *полимодально*: оно реализуется в непредсказуемых процессах: «Общение как форма межсубъектного взаимодействия свободных и уникальных существ, не заменимых никакими совершенными техническими устройствами, ни даже другими людьми, оказывается необходимым в материальной практике тогда, когда совместное действие не имеет алгоритма и требует принципиального равенства всех его участников» (Каган, 1988: 286).

Совокупность указанных свойств является достаточным основанием для классификации диалога как *сложного* или даже *сверхсложного* объекта исследования. В этом и заключается специфическая *сущность диалога в контексте культуры XX века*.

Изучение исторического своеобразия бытия диалога в культуре позволяет сделать несколько предварительных выводов:

1. История диалога начинается одновременно с возникновением культуры как специфической формы человеческого существования. Тогда же сложившиеся монологические отношения образуют вместе с диалогом диалектическую пару, отражающую дуалистичность самого Бытия.

2. Каждая эпоха в разной степени и на разных уровнях осваивает принципы диалогических отношений. Методологическое основание этого вывода получают в концепциях М.М. Бахтина и Л.М. Баткина: «В истории художественной культуры часто встречаются сходные явления, но в разных культурных системах они приобретают разный смысл. Знак можно правильно понять только в контексте» (Баткин, 1969: 101). Осмысление специфики диалогических отношений в контексте культуры XX века выявляет и насущную потребность современной культуры в диалоге для восстановления разрушающихся системных связей, и антиэнтропийное свойство диалога, способного решить эту сложнейшую проблему кризисного состояния.

3. Методологическое открытие диалога как типа межсубъектных отношений и выведение понятия диалога на категориальный уровень позволяют снять многие противоречия, свойственные монологическому мировосприятию: между природой и культурой, наукой и искусством, а в границах науки – между точным и гуманитарным знанием, «физиками» и «лириками». Причиной антиномичности всегда становится односторонняя точка зрения на проблему. Исследования диалога показали возможность его применения в паре с монологом на самых разных системных уровнях культуры, смягчая и соединяя противоположности.

В философии общения выделяются два типа взаимодействия партнёров: **общение и коммуникацию** (диалог и коммуникацию), принципиальные различия которых очевидны.

Коммуникация – тип взаимодействия субъекта с объектом, она несимметрична, однонаправлена. Оба её участника – передающий субъект и принимающий объект – существуют автономно друг от друга, передавая и усваивая информацию. Структура коммуникации основана на принципе парности, противопоставления одного другому.

Диалог – межсубъектный тип взаимодействия, симметричен и полимодален. В диалоге общение строится на равноправной активности участников, что придаёт отношениям двунаправленность, обеспечивает постоянный прирост информации и изменение состояний партнёров при сохранении уникальности каждого.

При этом **целью** диалога становится именно обретение **общности** участников, их качественный рост: «В результате общения происходит не обмен идеями или вещами, а превращение состояния каждого партнёра в их общее достояние. Общение порождает общность, а обмен сохраняет обособленность его участников» (Каган, 1988: 150).

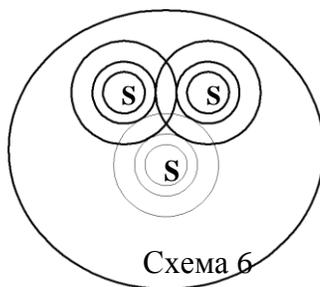
В диалоге снимается свойственная коммуникации внутренняя противоречивость, а партнёры стремятся к единству: «В риторике есть безусловно правые и безусловно виноватые, есть полная победа и уничтожение противника. В диалоге уничтожение противника уничтожает и самую диалогическую сферу жизни слова» (Бахтин, 1979: 385). Активность партнёров в диалоге направлена не друг на друга (как это имеет место в коммуникации), а на объединяющую их интересы тему или проблему – на общую цель: «Отношение Я-Ты возникает не на полюсах Я и Ты, а в некоей промежуточной сфере между ними. Такая трактовка означает, что между партнёрами возникает что-то новое, не порождаемое каждым из участников диалога отдельно» (Буш, 1985: 18).

В диалогических отношениях явно просматривается и **третий** компонент.

Л.М. Баткин показывает, что результатом диалога становится *синтез* двух позиций, не снимающий противоречия тезиса и антитезиса *Синтезом* он называет новое единство точек зрения, в котором не снимается ни одна: «...Синтез, поскольку он действительно предполагает какой-то новый угол зрения, звучит как *ещё один голос*» (Баткин, 1978: 167).

Особое внимание проблеме «*третьего в диалоге*» уделяет М.М. Бахтин, непосредственно связывая её с *пониманием*: «Само понимание входит как диалогический момент в диалогическую систему и как-то меняет её тотальный смысл. *Понимающий* неизбежно становится *третьим в диалоге* (конечно, не в буквальном, арифметическом смысле, ибо участников понимаемого диалога кроме третьего может быть неограниченное количество), но диалогическая позиция этого третьего – совершенно особая позиция. Всякое высказывание всегда имеет *адресата*, ответное понимание которого *автор* речевого произведения ищет и предвосхищает, это *второй* (опять же не в арифметическом смысле). Но кроме этого адресата (второго) автор высказывания с большей или меньшей осознанностью предполагает высшего *нададресата* (третьего), абсолютно справедливое ответное понимание которого предполагается либо в метафизической дали, либо в далёком историческом времени (лазеечный адресат). В разные эпохи и при разном миропонимании этот нададресат и его идеально верное ответное понимание принимают конкретные формы идеологические выражения (бог, абсолютная истина, суд беспристрастной человеческой совести, народ, суд истории, наука...). Автор никогда не может отдать всего себя и всё своё речевое произведение на полную и *окончательную* волю наличным и близким адресатам (ведь и ближайшие потомки могут ошибаться) и всегда предполагает... какую-то высшую инстанцию ответного понимания, которая может отодвигаться в разных направлениях. Каждый *диалог* проходит как бы на фоне ответного понимания *незримо присутствующего третьего*, стоящего над всеми участниками диалога» (Бахтин, 1986: 322-323).

М. Бахтин неоднократно подчёркивает не арифметический, не буквальный смысл третьего, – мнимого, и в то же время совершенно реального участника диалога. Он включён в процесс взаимодействия в равной степени с двумя остальными партнёрами. Новый (*триадный*) *подход* вносит изменения и в понимание структурно-функциональных особенностей диалога, которые схематично можно выразить следующим образом:

Система расширяющихся взаимопроникающих кругов в данной схеме означает бесконечность и взаимную обусловленность внутреннего роста всех трёх участников диалога, где пунктирной линией обозначена позиция «третьего», мнимого партнёра, а

большая окружность символизирует бесконечность процесса смыслопорождения и принципиальную открытость диалога. Обозначение позиций каждого участника в виде окружностей помогает выразить идею сохранения ими внутренней цельности и самобытности при общей направленности на безграничное саморазвитие.

Мы видим, что триадное строение диалога, выраженное графически Схемой 5, в новом контексте не только сохраняется, но и получает развитие. Видимо **троичность** и есть та **структурная константа диалогичности**, некая сущностная конструкция, позволяющая диалогу в любых вариантах и модификациях сохранять присущее ему стремление к единению, непротиворечивому сочетанию разных «самостей», субъектов.

Научное обоснование диалектики константности и изменчивости в культуре Л.М. Баткин находит в категориальном рассмотрении **явления** и **сущности**. К **явлениям** он относит конкретные события, свойства или процессы материальной действительности. **Сущность** же воплощает в себе совокупность **глубинных** связей, отношений и внутренних законов, определяющих основные черты и тенденции развития системы. Именно понимание сущностных особенностей явления помогает обнаружить общее в частном, единое в различном и выйти на определение закономерностей. В таком **сущностном** аспекте необходимо рассмотреть и **диалог**, чтобы выделить в нём типические качества и закономерности его функционирования в культуре.

Системный уровень изучения диалога и коммуникации обнаружил в них наиболее общий структурно-типологический принцип: **триадность** первого и **двоичную**, дуалистическую природу второй. С точки зрения академической науки этот принцип может быть воспринят как несущественный, как мелкая деталь в характеристике сложного явления. Для гуманитарного подхода, направленного на раскрытие смысла **диалога** в процессе его **понимания**, он приобретает принципиальную важность.

С точки зрения классической науки **числа** являются количественным выражением некой субстанции. При этом универсальность числа в выражении явлений и процессов окружающего мира утверждается в сфере науки с её самых первых шагов. «Роль числа, числовых моделей, абстрактных математических теорий (как связанных с числом, так и независимых от него – неколичественных) в объяснении настоящего и открытии (предсказании) будущего путем провоцирования семантической интерпретации этих моделей, а затем и их практической реализации не вызывает какого-либо сомнения, если говорить о современной культуре» (Топоров, 2010: 129).

Принципы двоичности и троичности В.Б. Иорданский находит уже в картине мира первобытного человека, подчеркивая их противоположную смысловую нагрузку: «Принцип **двоичности** выражал общую тенденцию древней общественной мысли **абсолютизировать** подмеченные в мире противоположности...»; «Вся система **троичной** классификации, по-видимому, и возникла в связи с тем, что древнее общество столкнулось с необходимостью **упорядочить** противоречивые, сложные явления и предметы» (Художественная культура, 1994: 236-237). Двоичность утверждает различия, а троичность примиряет их, не нарушая сущности каждого явления.

Символы выполняют в культуре функцию архетипа (К.Г. Юнг) или «первотектона» (А. Пелипенко) – некоей сущности, задающей «априорные схемы всякой культурной деятельности» (Пелипенко, 1994: 58). Они определяются как «инвариантные матрицы, на основе которых в сознании субъекта могут моделироваться различные версии картины мира» (Пелипенко, 1994: 58). Знание содержательно-смысловой типологии символа, его изначальной идеи позволяет через него прочесть смысл явления или процесса, его сущностную природу, причинный аспект, что является главным условием для успешного решения проблемы или поиска выхода из ситуации.

Обобщая сказанное, необходимо выстроить тезисную логическую цепочку, в которой обозначится место дуалистического принципа в историко-культурном контексте современности:

– актуальнейшей проблемой современной науки стал продолжающейся целое столетие мировой кризис культуры. Он проявляется во всеобщем разделении человечества, отдельных личностей и форм их существования;

– предлагаемые многими учёными пути выхода из кризиса пока не решили данной проблемы в её глобальном звучании;

– начавшаяся с эпохи Возрождения ориентация на научный способ познания мира к концу XX века привела к его абсолютному утверждению. Но любая абсолютизация имеет дуалистическую природу. Это значит, что и наука, и вся мировоззренческая парадигма XX столетия отличается дуалистической направленностью. И безысходное одиночество личности, и стремление постигнуть эсхатологические истины получают Всепланетное, космическое звучание. Невиданный масштаб разбега противоположностей в жизни и культуре даёт основание определить его как время **глобального дихотомизма**;

– дуализм парадигмы, в свою очередь, определил главенство в современной культуре коммуникации над общением, монологизма над диалогизмом, следствием чего и стала её предельная разобщённость и раздробленность. Значит, возможности выхода из кризиса следует искать в средствах и способах преодоления расколотости мира и восстановления его целостности. С точки зрения числовой семантики преодолеть и примирить противоречия призвано число **три**: «Три символизирует духовный синтез... Тройка олицетворяет решение конфликта, поставленного дуализмом» (Керлот, 1994: 577).

Возможно, именно способностью «сгладить острые углы» объясняется столь широкое распространение триадных мотивов и образов в смысловом пространстве микро- и макрокосма. В.Н. Топоров определяет триаду как «основную константу мифопоэтического макрокосма и социальной организации». Весьма показательно, что именно в период изначального культурного синкретизма, когда опыт целостного мировидения ещё не был столь безнадежно утрачен, **триадный принцип и триада** как таковая получили семантику «высшего», «самого ценного». «Сравните три сферы Вселенной, три высшие ценности, божественные троичности (Топоров, 1982: 630). Это – лишь часть смысловых дефиниций, определяемых для числовой символики В.Н. Топоровым, но и все остальные семантические значения троичности в словарях тоже подчёркивают её позитивную, созидательную природу.

М. Элиаде обращает внимание на свидетельства большой древности о трёх

подразделениях целостного Космоса, проявляющиеся на самой ранней стадии развития человечества. Совершенно очевидна универсальность тринитарного принципа в мифологической картине мира разных народов. Примирительный смысл троичности виден и в известной фразе из летописи: «Троица была написана в похвалу Сергию Радонежскому, дабы, глядя на неё утихали все розни».

Постепенный переход к рациональному способу познания мира вытеснил триадный принцип с ведущих позиций в культуре на периферию. Господство дуалистического мировидения привело к рождению таких поговорок, как «Третий – лишний», «Третьего не дано» и т.п. «Век рации» подарил человечеству не одно свидетельство изменения семантического значения триады с положительного на отрицательное, с позитивного на негативное. Научная логика сформировала закон «исключённого третьего» (третьего не дано: *tertium non datur*), согласно которому из двух высказываний (противоречащих или противоположных) одно непременно истинно. Следовательно, сам процесс познания и научной дискуссии представляется как идущая между двумя его участниками «борьба за истинность». Опора на логическое познание мира повлекла за собой и дихотомическое мирозерцание, которое в конце концов привело к «войне всех против всех», к одиночеству человека в перенаселённом мире.

Односторонняя логика линейного мышления предназначена для определения и разделения противоположностей. В ходе рациональных размышлений неизбежно проявляется противостояние. Но двойственность не разрешает противоречий. Эта особенность была открыта ещё И.В. Гёте, который утверждал, что между двумя противоположными мнениями находится не *истина*, а *проблема*.

Р. Баранцев представляет триадный синтез как главный механизм восстановления связей, разрушенных господствующей антитетикой. Именно с его участием решаются многие хронические оппозиции: «Системная триада – универсальная моделирующая структура. <...> Триада больше сопоставляет, соединяет, сращивает, чем противопоставляет, расщепляет, отталкивает» (Баранцев, 1994: 15). Для разрешения бинарного противоречия необходим *третий* фактор, расположенный *вне оси исходной оппозиции* (данное положение концептуально обосновывает идею возможного выхода культуры из кризиса как «выход в иные измерения»).

Созидательная роль триадности диалога позволяет увидеть и понять его возможности в развитии культуры человечества. Так, например, как нечто естественное и необходимое воспринимается возрождение интереса к триадному принципу в мировосприятии эпохи кризиса. Русские и зарубежные мыслители размышляют о невозможности разрешить обострившиеся противоречия в рамках дуальной научной парадигмы. Методология науки заменяет антиномичность на триадную ориентацию.

Триадную основу имеет системный подход. О триадном принципе процесса развития говорит синергетика, также изучающая целостные объекты. В семиодинамике триада прямо характеризуется как универсальный путь к целостности: «Системная триада – универсальная моделирующая структура. Используя её как эталон или генетическую матрицу, можно варьировать названия аспектов, сохраняя их специфику и взаимное равновесие. Но все варианты каждого угла будут лишь представителями того *целого*, чему пока не дано общего имени»

(Баранцев, 1994: 15).

Примеры проявления трёхфазности поистине бесконечны, что позволяет классифицировать триадный принцип как *универсальную* основу человеческой деятельности и культуры в её стремлении к *целостности* и определить его место в современной картине мира как *ведущее*.

Широкое распространение триадного принципа означает, что человечество вплотную подошло к проблеме обретения утраченной целостности. Данный вопрос бурно обсуждается в философской и методологической литературе, но всё многообразие авторских позиций в большинстве случаев сводится к провозглашению синтетических идей. «Триадный синтез сейчас восстанавливает связи, разрушенные господствующей антитетикой. Многие хронические оппозиции решаются на его основе» (Баранцев, 1994: 20). С.С. Аверинцев прямо указывает, что «на божественном уровне бытия троичность и единичность оказываются в какой-то мере тождественными» (Аверинцев, 1972: 527). И метод триадного синтеза, и «холизм», и новая наука тринитология, возникшие в последние десятилетия XX века, являются ярким тому подтверждением.

Идея синтеза в культуре пока не принесла ощутимых положительных результатов. На рубеже XIX-XX веков синтетические процессы в искусстве сгладили некоторые антиномии в художественном творчестве, но вывести культуру в целом из кризисного состояния им не удалось. В мире политики синтетическая тенденция привела к образованию разного рода *союзов* – Союза Советских Социалистических Республик, Европейского Экономического Союза и т.д. Принципы организации союза тоже несут в себе семантику объединения, но союз не предполагает подлинного равенства и свободы его участников, так как имеет чётко заданную иерархическую структуру.

В 50-60-х годах в буржуазной общественной мысли была сформулирована теория *конвергенции*, согласно которой экономические, политические и идеологические различия между двумя социальными системами – социализмом и капитализмом – постепенно сглаживаются и в перспективе имеют тенденцию к полному слиянию (её создатели – П. Сорокин, Дж. Гэлбрейт, Ж. Фурастье, Я. Тинберген и др.). Результатом этого процесса, по их предположениям, должен был стать *синтез* двух систем в некоем «смешанном обществе», сочетающем в себе положительные свойства каждой из них. Сегодня мы видим несостоятельность теории конвергенции, причины которой коренятся в характере взаимодействия её участников. Партнёры должны были слиться в «смешанное общество» как объекты приложения чьей-то активности, и не во всём своём многообразии, а отдельными «положительными чертами и свойствами».

Причины неэффективности данных концепций выхода из кризиса следует искать в сущностных особенностях самих синтетических процессов.

Синтез – это специфический способ разрешения антиномий, при котором обе крайние позиции уничтожаются, растворяются в третьей.

Взаимодействие, направленное на подчинение, уничтожение, разрушение, не может выполнять созидательные функции и решать задачи прогресса. Фактически любой синтез – это выход какого-либо явления или процесса на новый уровень, но через отрицание предыдущего. Синтез направлен на рождение нового ценой утраты

прежних состояний. Такая логика типична для развития техники и открытий в области точного знания. В мире техники каждое усовершенствование обесценивает прежние достижения, в результате чего такая модель объявляется устаревшей и снимается с производства.

То же самое можно сказать и о научных исследованиях. Смена научной парадигмы порой приводит к такому кардинальному изменению модели мира, что сводит на «нет» усилия учёных, работающих на базе предыдущей парадигмы. Так произошло с рядом законов и принципов молекулярной физики, когда открытие делимости атома буквально перевернуло существующие представления о мире и о природе многих явлений.

С культурой дело обстоит несколько иначе. Её специфика заключается в том, что здесь каждый новый виток развития не умаляет ценности предыдущего и не лишает его актуальности. Нельзя сказать, что современные жизненные ценности важнее и лучше вчерашних; что романтизм «выше» классицизма или наоборот; что живопись А. Иванова делает бессмысленным знакомство с творчеством его предшественников и последователей. Каждое явление культуры ценно своей уникальностью и неповторимостью, а это как раз те качества, которые отличают субъекта от объекта.

Наличие в явлениях культуры качеств субъектности делает неправомерным применение к ним тех же методов, что и в работе с объектами. Поэтому в сфере субъект-субъектных отношений использование синтетической методологии становится не просто нежелательным, но даже вредным и опасным. Примером такого несоответствия может быть опыт межкультурных связей в Советском Союзе, основанных на принципах синтеза братских культур, часто превращавших субъектов в объекты. Результатом стала нынешняя национальная обособленность некогда родственных государств, а в ряде регионов – и открытое их противостояние.

В сфере культуры триадная структура синтетических процессов становится необходимым, но недостаточным условием обретения искомой целостности. В данном контексте важен фактор сохранения субъектности, невнимание к которому лишает культуру её сущностной характеристики и приводит к противоположному итогу.

Для преодоления кризиса и обретения современной культурой целостного состояния важно найти такой способ взаимодействия между её составляющими, который отвечал бы одновременно нескольким требованиям:

- это должен быть тип отношений, направленный на обретение целостности, значит его глубинные структуры должны соответствовать триадному принципу;
- взаимодействие должно быть организовано на принципах добровольности и равенства его участников;
- оно должно приводить к постоянному приросту, увеличению информации в процессе общения и быть направленным в будущее, к намеченной цели;
- и, наконец, самое важное условие: искомое взаимодействие должно обеспечивать сохранение уникальных, специфических качеств партнёров и развитие их активности как свободных субъектов.

Сегодня науке известен только один тип отношений, удовлетворяющий всем названным выше условиям. Это *диалог*.

Ведущее положение философской проблематики диалога в современной науке совершенно очевидно. Мы становимся свидетелями того, как поиски нового философского мышления и формирование новых основ мировидения обусловили появление феномена диалогической философии, или «диалогики», «диалогизма». Культурологические исследования обогатили науку новым понятием «диалог культур» (М. Бахтин, В. Библер, М. Каган, Л. Баткин и др.), оказавшегося настолько дискуссионным, что споры о его правомерности приобрели сегодня глобальный характер. Диалогические отношения попали в центр внимания политиков, экономистов, психологов, социологов, педагогов, деятелей науки и культуры. Несмотря на лавинообразный поток информации, интерес к этой проблеме не иссякает.

В контексте современной науки кризисные эпохи утратили традиционную трагически-негативную оценку. Момент слома и перехода получил позитивную окраску, в которой приоритет отдаётся его потенциальным возможностям в динамике развития.

Данная позиция имеет ключевое значение. Хаос именно *создаёт предпосылки и открывает возможности* для нового этапа эволюции, но не гарантирует его прогрессивного результата. И характер результата, и логика выхода из кризиса определяются выбором общей стратегии и степенью продуманности конкретных действий. Это значит, что периоды перемен являются временем максимальной ответственности общества и каждого человека за тот новый образ системы культуры, в которую вырастет её современная трансформация.

Идея интеграции наук, по мнению многих учёных, особенно в области междисциплинарного синтеза, носит ещё во многом проблемный характер. Если общая философская постановка проблемы особых трудностей не вызывает, то с её практической разработкой дело обстоит иначе. Трудности интеграционного процесса объясняются стабильностью сложившихся академических научных традиций, а также независимым характером их развития и своеобразием исследовательских задач. Это – прямое следствие господствовавшей не одно столетие культурной парадигмы, направленной на расчленение и обособление. В культуре же преодоление фрагментарности и обретение целостного состояния может осуществляться только *посредством диалога*. Данный тезис является одним из аргументов, подтверждающих вывод М.С. Кагана о том, что «человечество приговорено к диалогу».

Обе формы отношения к культуре и миру – монолог и диалог – имеют равную ценность и необходимы каждая для своей цели.

Мы только тогда сможем понять свою и чужую культуру, когда осветим их перекрёстными разнонаправленными лучами: хронологически направленным прямым лучом познания (монолога) и обратным светом смыслопорождения (диалога).

Освещение современной культуры прямым лучом исторического обзора научных концепций и обратным лучом смыслопорождения показало, что сущностью кризиса современной культуры являются ослабление системных связей и предельная дробность общества, разрушающая порядок и питающая нарастание энтропии (распада и хаотизации системы). Средством противостояния энтропии может стать

сила, способная укрепить системные связи элементов культуры, и тем самым обновить отношения порядка в её подсистемах. Представленные в настоящей статье свойства диалога вполне убеждают в том, что на сегодняшней ступени развития науки и культуры альтернативы диалогу в гармонизации кризисных процессов не обнаружено.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Аверинцев С.С. Троица // Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2 томах). – М.: Сов. Энциклопедия, 1982. – Т.2. – с. 527.
2. Баранцев Р.Г. Динамика как путь к синтезу // Семиодинамика. Труды семинара при СПбГУ. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. – 192 с.
3. Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. – М.: Наука, 1978. – 200 с. – (Из истории мировой культуры).
4. Баткин Л.М. Тип культуры как историческая целостность (Методологические записки в связи с Итальянским Возрождением) // Вопросы философии. – 1969. – № 9. – с. 99-109.
5. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках (Опыт философского анализа) // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986.
6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1979. – 424 с. – (Из истории сов. эстетики и теории искусства).
7. Буш Г.Я. Диалогика и творчество. – Рига: Авотс, 1985. – 318 с.
8. Григорьева Т.П. Синергетика и Восток // Вопросы философии. – 1997 – №3. – с. 90-102.
9. Диалог и коммуникация: философские проблемы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1989. – № 7. – с. 3-27.
10. Каган М.С. Мир общения: проблема межсубъектных отношений. – М.: Политиздат, 1988. – 319 с.
11. Керлот Х.Э. Словарь символов. – М.: «REFL-book», 1994. – 608 с.
12. Лотман Ю.М. Мозг – текст – культура – искусственный интеллект // Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3-х т. – Таллинн: Александра, 1992-1993, Т.1. – с. 25-33.
13. Пелипенко А. Культурная динамика в зеркале художественного сознания // Человек. – 1994. – №4. – с. 58-76.
14. Топоров В.Н. Числа // Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2 томах). – М.: Сов. Энциклопедия, 1982. – Т.2. – 720 с.: ил.
15. Топоров В.Н. Мировое древо: Универсальные знаковые комплексы. Т.2. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – 496 с.
16. Художественная культура первобытного общества. Хрестоматия. Сост. И.А. Химик. – СПб.: Славия, 1994. – 415 с.

BIBLIOGRAPHY:

1. Averincev S.S. Troitsa// Mifi narodov mira. Enciklopedia. (V 2 tomah) – M.:Sov. Enciklopedia, 1982. – T.2. – s. 527.
 2. Barancev R.G. Dinamika kak put' k sintezu// Semiodinamika. Trudi seminaru pri SPBGU. – SPb.: Izd-vo SPBGU, 1994. – 192 s.
 3. Batkin L.M. Italijskie gumanisti: stil' djizni i stil' mishlenia. – M.:Nauka, 1978. – 200 s. – (Iz istorii mirovoi kulturi).
 4. Batkin L.M. Tip kulturi kak istoricheskaya celostnost'(Metodologicheskie zapiski v sviazi s Italijskim Vozrozdjeniem) // Voprosi filosofii. – 1969. – N 9. – s. 99 – 109.
 5. Bahtin M.M. Problema teksta v lingvistike, filologii I drugih gumanitarnih naukah (Opit filosofskogo analiza) // Bahtin M.M. Literaturno-kriticheskie stat'i. – M.: Hudodjestvennaia literature, 1986.
 6. Bahtin M.M. Estetika slovesnogo tvorcestva / Sost. S.G. Bocharov. – M.: Iskusstvo, 1979. – 424 s. – (Iz istorii sov. estetiki i teorii iskusstva).
 7. Bush G.I. Dialogika i tvorcestvo. – Riga: Avots, 1985. – 318 s.
 8. Grigorieva T.P. Sinergetica i Vostok // Voprosi filosofii. – 1997 – N3. – s. 90-102.
 9. Dialog I kommunikacii: filosofskie problemi (materiali "kruglogo stola")// Voprosi filosofii. – 1989. – N 7. – s. 3-27.
 10. Kagan M.S. Mir obschenia: problema medjsub'ektnih otnosheniy. – M.: Politizdat, 1988. – 319 s.
 11. Kerlot H.E. Slovar' simvolov. – M.: "REFL-book", 1994. – 608 s.
 12. Lotman U.M. Mozg – tekst – kultura – iskusstvenniy intellect // Lotman U.M. Izbrannie stat'i. V 3-h t. – Tallinn:Aleksandria, 1992-1993, T.1. – s. 25-33.
 13. Pelipenko A. Kulturnaya dinamika v zerkale hudodjestvennogo soznaniia // Chelovek. – 1994. – N4. – s. 58-76.
 14. Toporov V.N. Chisla // Mifi narodov mira. Enciklopedia. (V 2 tomah). – M.: Sov. Enciklopedia, 1982. – T.2. – 720 s.:il.
 15. Toporov V.N. Mirovoe drevo: Universal'nie znakovie kompleksi. T.2. – M.: Rukopisnie pamiatniki Drevney Rusi, 2010. – 496 s.
- Hudodjestvennaya kultura pervobitnogo obschestva. Hrestomatiya. Sost. I.A.Himik. – SPb.: Slaviya, 1994. – 415 s.